

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«XXXVIII КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
24-25 НОЯБРЯ 2023**

**Международная научная конференция
«XXXVIII КОНОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
Санкт-Петербург, 24-25 ноября 2023г.**

SAINT PETERSBURG

**International scientific conference
XXXVIII Kononov Memorial Lectures**

St. Petersburg, 24-25 October 2023

**УНИВЕРСИТЕТ
АХМЕДА ЯСАВИ**

Санкт-Петербургское общество
научных и культурных связей с Турцией
(участник Альянса СПб МСОД)

**Uluslararası XXXVIII Kononov Okumaları
Konferansı**

St. Petersburg, 24-25 Ekim 2023

ПРОГРАММА PROGRAMME

24.11.2023

**Санкт-Петербургский университет
Восточный факультет
Университетская наб. 11, аудитория 25,189,223**

**St. Petersburg State University
Faculty of Asian and African Studies
Universitetskaya nab. 11, room 25,189,223**

09.30 - 10.00

**Регистрация участников конференции
Conference Registration
189**

10.00-10.30

**Открытие конференции, аудитория 25
Conference opening room 25**

11.00-17.00

**Работа по секциям (длительность доклада 15 минут)
Sessions (report duration 15 minutes)**

25.11.2022

**Санкт-Петербургский университет
Восточный факультет
Университетская наб. 11, аудитория 189**

**St. Petersburg State University
Faculty of Asian and African Studies
Universitetskaya nab. 11, room 189**

10.00 - 16.00

**Секция «Молодой тюрколог»
Section "Young Turkologist"
"Genç Türkolog" Bölümü**

24.11.2023

09.30 - 10.00

**Регистрация участников конференции
Conference Registration
189**

10.00-10.30

**Открытие конференции, аудитория 25
Conference opening room 25
Konferansın Açılışı oda 25**

Телицин Николай Николаевич
заведующий кафедрой тюркской филологии СПбГУ

Талу Озгюн

Генеральный консул Турции в Санкт-Петербурге

Шимшек Мухиттин

Председатель попечительского совета Международного казахско-турецкого университета
имени Ходжи Ахмеда Ясави

Telitsin Nikolay Nikolaevich

Head of the Department of Turkic Philology, St Petersburg State University

Talu Ozgun

Consul General of Turkey in St Petersburg

Şimşek Muhittin

Chairman of the Board of Trustees of the International Hoca Ahmet Yesevi Turkish-Kazakh
University

Telitsin Nikolay Nikolaevich

St Petersburg Devlet Üniversitesi Türk Filolojisi Bölüm Başkanı

Talu Özgün

Türkiye'nin St. Petersburg Başkonsolosu

Şimşek Muhittin

Hoca Ahmed Yesevi Uluslararası Kazak-Türk Üniversitesi Mütevelli Heyeti Başkanı

10:30-11:00

**Перерыв
аудитория 189**

**Break
Room 189**

Языки и литературы тюркских народов
Languages and Literatures of the Turkic Peoples
Türk halklarının dilleri ve edebiyatları

11.00 - 13.00

Заседание 1
Председатель
Сулейманова Алия Сократовна

Panel 1
Chair
Suleymanova Aliya

(25)

Рыжова Дарья Александровна с соавторами (НИУ ВШЭ)

Семантические источники дискурсивных формул отрицания, запрета и отказа в турецком языке

(Ryzhova D. & coauthors. Semantic sources for the discourse formulae of negation, prohibition and refusal in Turkish)

Улькю Полат (Газиантпский университет, Турция)

Анализ связи слов *Al-*, *Altur-*, *Altız-* в древнетюркском языке

(Polat U. Eski Türkçe *Al-*, *Altur-*, *Altız-* Üzerine)

Perihan Kaya Tokbudak (Karamanoğlu Mehmetbey University, Türkiye)

Частотный словарь на основе памятника Кюль-Тегину

(Kaya P. Frequency Dictionary of Kul Tigin Monument)

Ибрагимов Эльчин Али (Азербайджанский университет языков, Азербайджан)

Первый тюркологический конгресс и вопрос общего языка для тюркских народов

(Ibrahimov E.A. The First Turkological Congress and The Issue of a Common Language for The Turkic Peoples)

Камалова Шахназ Новруз кызы (СПбГУ)

О конструкциях прямого дополнения в языке древнетюркских рунических памятников
(Kamalova Sh. About constructions of direct object in the language of ancient Turcic runic monuments)

Дубровина Маргарита Эмильевна (СПбГУ)

О различиях в способах выражения категории посессивности в турецком и русском языках
(Dubrovna M. On The Differences in The Ways of Expressing the Category of Possessivity in Turkish and Russian Languages)

Фомкин Михаил Семенович (ЛГУ им. А.С. Пушкина)

Парные выражения в тюркской литературной традиции
(Fomkin M. Paired expressions in the Turkic literary tradition)

Лебедев Эдуард Евгеньевич (Чувашский государственный институт гуманитарных наук)

О некоторых вопросах глагольной морфологии чувашского языка
(Lebedev E. On some questions of verbal morphology of the Chuvash language)

13.00 - 14.00

Перерыв

Break

(189)

14.00 - 17.00

Председатель

Дубровина Маргарита Эмильевна

Chair

Dubrovina Margarita

(25)

Алиева Камилла Абдулаевна (ЛГУ им. А.С. Пушкина)

Несколько замечаний к употреблению аналитической формы *-p bar-*
(Alieva K.A. Some comments on usage of analytic form *-p bar-*)

Абдиназимов Шамшетдин Нажимович (Каракалпакский государственный университет им. Бердаха)

Лексика орхонских памятников и её отражение в каракалпакском эпосе «Қырқ қыз»
(Abdinazimov Sh.N. Vocabulary of the Orkhon monuments and its reflection in the Karakalpak epic "Kyrk kyz")

Фомин Эдуард Валентинович (Чувашский государственный институт культуры и искусств)

Чувашизмы в чебоксарском региолекте русского языка: оставить на остановке
(Fomin E. Chuvashisms in the Cheboksary regiolect of the Russian language: leave at a stop)

Омакаева Элара Уляевна (Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова)

Тюркизмы в составе лексики материальной и духовной культуры монгольских языков
(Omaikava E. Turkisms as part of the vocabulary of the material and spiritual culture of the Mongolian languages)

Ургадулова Айса Игоревна, Омакаева Эллага Уляевна (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова)

Семантика и этимология базовых цветономинаций и гиппологических мастеобозначений в тюрко-монгольских языках

(Urgadulova A., Omakeeva E. Semantics and etymology of basic color nominations and hippological designations of suit in the Turkic-Mongolian languages)

Репенкова Мария Михайловна (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова)

Доминантные жанры и субжанры фантастической литературы 2000-х годов

(Repenkova M. Dominant genres and subgenres of turkish fantasy literature of the 2000s)

Софронова Лариса Владиславовна (Дипломатическая академия МИД России)

Назым Хикмет как литературный герой романа-биографии

(Sofronova L. V. Nazim Hikmet as a literary character of the biographical narrative)

Сулейманова Алия Сократовна, Таш Селяхаттин (СПбГУ)

«Белое пальто» О.Атая и «Шинель» Н.В. Гоголя в свете интертекстуальных связей.

(Suleymanova A., Tash S. Intertextuality in Oguz Atay's "A Men In A White Coat" and Gogol's "The Overcoat")

Пылев Алексей Игоревич (СПбГУ)

Об одной газели мистико-лирического содержания в «Диван-и хикмат» Ходжи Ахмада Йасави

(Pylev A. About one ghazal of mystical-lyrical content in the "Divan-i hikmat" ("Collection of wise sayings") by Khoja Ahmad Yasawi)

11.00 - 13.00

История, источниковедение и историография, культура и фольклор тюркских народов

History, source study and historiography, culture and folklore of the Turkic peoples

Türk halklarının tarihi, kaynak çalışmaları ve tarihçilik, kültürü ve folkloru

Заседание 2

Председатель

Абидулин Алим Маратович

Panel 2

Chair

Abidulin Alim

(223)

Минасян Нелли (Институт армяноведческих исследований ЕГУ, Армения)

Образовательная политика Турции в постсоветской Центральной Азии: попытки реализации пантюркистского видения
(Minasyan N. Turkey Educational Policy in Post-Soviet Central Asia: Attempts to Creation of Pan-Turkic Vision)

Иналджик Гульджан, Ешилот Окан, Сазак Гёзде (Университет Мармара, Институт Тюркологических Исследований, Турция)

Отчет Николая Федоровича Катанова о Поездке в Минусинск (1896 г.)
(Inalcik G., Yeshilot O., Sazak G. Travel Diary of Nikolai Fedorovich Katanov on his expedition to Minusinsk (1896))

Козинцев Марк Альвиевич (Институт восточных рукописей РАН)

Список «Книги о луке» («Кавс-наме») Мустафы Кеманкеша в собрании ИВР РАН
(Kozintcev M. The Copy of “Kavsnâme” by Kemankeş Mustafa Efendi, kept at the IOM RAS)

Коркмаз Телли Видадиевна (Университет Невшехир Хаджы Бекташ Вели, Турция)

Турецкие источники армянским письмом
(Korkmaz T. Armenian Letters on Turkish Sources)

Погуляева Елена Васильевна (ЦМГИ ЮФУ)

Трансформация лингвистической идеологии в республиканской Турции до 1950 г. (по материалам выступлений и отчетов учёного и политика Х.Р. Танкута)
(Poguliayeva E. The transformation of linguistic ideology in republican Turkey before 1950 (based on the speeches and reports of the scientist and politician H.R. Tankut))

Сибгаатов Флюр Шарифуллинович (Национальная библиотека им. А.З. Валиди Республики Башкортостан)

Синтез тюрко-мусульманских и западных культурных традиций в современной башкирской литературе (на примере творчества А.М. Аминева)
(Sibgatov F.Sh. Synthesis of turkic-musliman and western cultural traditions in modern bashkir literature (by the example of A.M. Aminev’s creativity))

Тимохин Дмитрий Михайлович (Институт востоковедения РАН)

Раздел о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака в сочинении Сеид ад-Дина Мухаммада ‘Ауфи «Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат»
(Timokhin D. The section on the nomadic Turkic tribes of Desht-i Qipchak in the work of Seyid al-Din Muhammad 'Aufi «Javam ul-hekayat va lavame ur-revayat»)

Глашев Ахмед Алабиевич (ИСАА МГУ)

Рунические памятники Восточной Европы: происхождение и проблемы дешифровки
(Glashev A. The runic monuments of the Eastern Europe: origins and the problem of decryption)

Абидулин Алим Маратович (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

В.И. Ульянов (Ленин) и события октября 1917 года в османской прессе
(Abidulin A. Ulyanov (Lenin) and the events of October 1917 in the Ottoman press)

Валеев Рамиль Миргасимович (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Академик Х.Д.Френ и его наследие о мусульманском Востоке: из истории казанского и Санкт-Петербургского центров востоковедения (1807 – 1851 гг.)
(Valeev R. Academician H.D. Frähn and his Legacy of the Muslim East: from the History of the Kazan and St. Petersburg Centers of Oriental Studies (1807 – 1851))

17:00

**Заккрытие конференции
Подведение итогов
аудитория 25**

**Closing of the conference
Summarizing
Room 25**

**Konferansın kapanışı
Özetleme
oda 25**

25 ноября 2023 года

25 November 2023

10:00 – 11:30

**Секция «Молодой тюрколог»
Section "Young Turkologist"
"Genç Türkolog" Bölümü**

**аудитория 189
oda 189**

**Председатель
Сагдеева Рената Ильмировна**

Алботова Фатима Руслановна (СПбГУ)

Хильми Явуз о модернизации Османской империи и Турции
(Albotova F. Hilmi Yavuz on the modernization of the Ottoman Empire and Turkey)

Кураксина Татьяна Олеговна (СПбГУ)

Отражение принципов политической доктрины нео-османизма в работе Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»
(Kuraksina T. Reflection of the principles of the political doctrine of neo-Ottomanism in “ The Strategic Depth” by Ahmet Davutoglu)

Деркачева Мария Олеговна (СПбГУ)

Ранняя поэзия Назыма Хикмета (1902 – 1963). Первый стамбульский период.
(Derkacheva M. The Early poetry of Nazim Hikmet (1902 – 1963). The first Istanbul period.)

Колотова Валерия Дмитриевна (СПбГУ)

История заимствований в азербайджанском языке
(Kolotova V. The history of borrowings in the Azerbaijani language)

Оги Александра-Мегуми (СПбГУ)

А.Г. Ибрагимов (1857-1944) и Япония
(Ogi A. Ibragimov A.G. (1857-1944) and Japan)

Первушин Алексей Михайлович (СПбГУ)

Из истории установления дипломатических контактов Османской империи с Прусским королевством
(Pervushin A. From the history of diplomatic contacts between the Ottoman Empire and the Kingdom of Prussia)

Терещенко Софья Михайловна (СПбГУ)

Изменения в государственном устройстве Османской империи в XVI-XVIII вв.: упадок после «золотого века»?
(Tereschenko S. Changes in the state structure of the Ottoman Empire in the 16th-18th centuries: decline following the “golden age”?)

11.30 - 12.00

**Перерыв
Break
(189)**

**Председатель
Деркачёва Мария Олеговна**

12.00 - 13.30

Лямина Эвелина Павловна (СПбГУ)

Функциональная семантика глагольно-именных форм в турецком и английском языках
(Liamina E. Functional semantics of verbals in Turkish and English languages)

Сагдеева Рената Ильмировна (СПбГУ)

Страдательный залог в турецком и английском языках
(Sagdeeva R. The passive voice in Turkish and English)

Щербина Елизавета Петровна (СПбГУ)

Турецкие народные анекдоты о Ходже Насреддине, Бу Адаме, Бекташи
(Scherbina E. Turkish folk anecdotes about Носа Nasreddin, Bu adam, Bektashi)

Свирин Глеб Тимурович (СПбГУ)

"Лисан ат-Тайр" Алишера Навои: концептуальные подходы
(Svirin G. "Lison ut-Tayr" of Ah-shur Nava'i: conceptual approaches)

Байда Илья Кириллович (СПбГУ)

О подходах к жанровой атрибуции рунических памятников
(Bayda I. The approaches to genre attribution of runic inscriptions)

Жданов Артемий Юрьевич (СПбГУ)

Культура традиционных слабоалкогольных напитков на злаковой основе у тюркских народов
(Zhdanov A. The culture of traditional low-alcohol grain-based drinks among the Turkic peoples)

Ашкенази Роза Сергеевна (СПбГУ)

История «еврейско-турецкого» языка и его место в классификации тюркских языков
(Ashkenazi R. The history of Judeo-Turkish language and its place in the classification of Turkic languages)

Цветкова Арина Сергеевна (СПбГУ)

Как обретение независимости сказалось на интерпретации событий прошлого узбекского и таджикского народов
(Tsetkova A. How independence affected the interpretation of the events of the past of the Uzbek and Tajik peoples)

Заочное участие
Absentee presence at the meeting
Devamsız katılım

**Баймурадова Айна Сайдуллаевна (Институт Международных отношений
Министерства иностранных дел Туркменистана)**

Следы тюркского рунического алфавита на узорах туркменских кошм и паласов
(Baymuradova A. S. Traces of the Turkic runic alphabet on the patterns of Turkmen nightmares and palaces)

Буркитбаева Шынарай Дубировна (Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби)

Лексическое сравнение древнеуйгурского и современного казахского языков.
(Lexical comparison of ancient Uighur and modern Kazakh languages.)

Миннуллин Бахтияр Кимович (Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан)

Форма прошедшего времени на -myş как показатель морфологической вариативности языка текстов татарской газеты начала XX века
(The form of the past tense on -myş as an indicator of the morphological variability of the language of the texts of the Tatar newspaper of the early XXth century)

Мирхаев Рифат Фирдинатович (Академия наук Республики Татарстан)

К проблеме исследования социальной обусловленности функционального развития татарского языка в историческом аспекте
(Mirkhayev R. F. On the problem of studying the social conditionality of the functional development of the tatar language in the historical aspect)

Аннабаева Бягуль Аманмухаммедовна (Туркменский государственный институт культуры)

Общественно-политические идеи в литературе (публицистический стиль)
(Annabayeva B. Socio-political ideas in literature (journalistic style))

Бекджаев Тагандурды Бекджаевич (Туркменский Государственный университет имени Махтумкули)

Употребление персидских слов в фразеологизмах стихотворениях Махтумкули
(The use of Persian words in idioms, poems by Makhtumkuli)

Курбанова Джамиля Азимовна; Курбанов Мурад Какаджанович (Туркменская национальная консерватория им. М. Кулиевой)

Эпические жанры туркмен: происхождение, жанровые разновидности, современное состояние
(Epic genres of Turkmens: origin, genre varieties, current state)

Пантыкина Наталья Игоревна (ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»)

Визуальная поэзия в Турции
(Visual poetry in Turkey)

Каррыева Ж.Б., Бегланова А.Г. (Туркменский национальный институт)

Первые переводчики туркменского фольклора.
(Karriyeva Z., Beglanova A. First translators of the Turkmen Folklore.)

Eski Türkçe *Al-*, *Altur-*, *Altız-* Üzerine
Özet

Türkçede Köktürk döneminden itibaren tanıklanan *al-* “almak; (bodun, il, törü sözleriyle) ele geçirmek, fethetmek, zaptetmek; ganimet almak, tutsak etmek; kız almak, evlendirmek; (sab sözüyle) bilgi almak, mesaj almak” fiili pek çok türevi ve geniş anlam dünyası ile hem tarihi hem çağdaş lehçelerde kullanılmıştır ve kullanılmaya devam etmektedir. *Al-* fiili Eski Türkçe devresinde hem asıl fiil hem de tasvirî fiil olarak kullanılır. Yazıtlar dönemi Türkçesinde fiil, *alın-* “eş olmak, evlenmek”, *altız-* “yakalatmak” türevleri ile kullanımdadır. *Altur-* türevi ise Eski Uygur Türkçesinden itibaren “alınması için emir vermek, aldırma, aldirtmak; temin ettirmek; (eserleri) zikrettirmek, kullandırtmak; refakat etmek, yönetmek” anlamlarıyla tanıklanır. Eski Uygur Türkçesinde *altız-* eylemi de “çaldırmak” anlamındadır. Eski Türkçe döneminde iki ayrı biçim ve anlamla kullanılan bu ettirgen türevlerin daha sonraki devirlerde birbirinin yerine kullanıldığı da görülür. Yazıtlar döneminde kullanılan *alın-* eylemi de Eski Uygur Türkçesinde “almak, kabul etmek” anlamlarının yanında “hanım almak” yani “evlenmek” anlamını korur, Karahanlı Türkçesinde “kendi başına almak, alın-” anlamlarıyla kullanılan sözcük daha sonra Batı Türkçesinde üst anlam kazanarak “küsmek” anlamında, *alın-* eyleminden türetilen *alınan* sözü de da “çabuk kırılan, gücenen” anlamlarıyla kullanılmıştır. Bu kullanımlarının dışında Eski Uygur Türkçesinde *al-* eyleminin *alguçı* “müşteri,” *alın* “borç, vergi”, *alınçı* “alacaklı”, *alsık-* “soyulmak” vb. pek çok türevi bulunmaktadır. Türk dili tarihinde hem türevleri hem kök biçimi ile çok canlı ve işlek olan *al-* fiili pek çok birleşik fiil ve deyim yapılarında da karşımıza çıkar. Batı Türkçesinde kullanılan *kan almak*, *ödünç almak*; *gönül almak*, *ateş almak*, *boyunun ölçüsünü almak* vb. bunlardan sadece bir kaçıdır. Tıpkı *al-* eylemi gibi *altur-* biçimi de Harezmi, Kıpçak ve Çağatay Türkçesinde *könül aldur-* “gönlünü kaptırmak, âşık olmak”, Harezmi ve Çağatay Türkçesinde *köz aldur-* “bakmak, görmek”, yine Harezmi Türkçesinde kullanılan *yürek aldur-* “korkmak” manasında deyimlerin yapısında tanıklanır. Batı Türkçesinde *aldır-* biçiminde kullanılan sözcük tıpkı *alın-* eyleminin üst anlamla “küsmek” anlamında kullanılması gibi önceki dönemlerde tanıklanmayan “değer vermek, önemsemek” üst anlamlarını kazanır. Ayrıca *aldır-* eyleminden -A zarf-fiil eki kalıplaşması sonucu oluşan *aldıra* (<*al-tur-a*) biçimi de Hakaşçada edat olarak kullanılır. Bu bildiride hem tarihi hem çağdaş Türk lehçelerinde ufak fonetik farklarla çok işlek ve çeşitli türevleriyle kullanımda olan *al-* eylemi ve özellikle *altur-*, *altız-* türevleri üzerinde durulacak Türk Dili tarihindeki kullanımları incelenecektir.

Anahtar Kelimeler: *Eski Türkçe*, *al-*, *altur-* (*aldır-*), *altız-*.

Abstract

The verb *al-* "to take; (with the words *bodun*, *il*, *törü*) to seize, conquer, subdue; to take booty, to take captive; to take a girl, to marry; (with the word *sab*) to receive information, to receive a message" has been used and continues to be used in both historical and contemporary dialects with many derivatives and a wide range of meanings. In Yenisei Inscriptions, the verb is used with the derivatives *alın-* "to become a wife, to marry", *altız-* "to have caught". The derivative *altur-* is attested with the meanings of "to order to be taken, to have it taken; to have it procured; to have it used; to manage" from Old Uighur Turkic. In Old Uighur Turkic, the verb *altız-* also means "get something stolen". It is also seen that these perfective derivatives, which were used with two different forms and meanings in the Old Turkic period, were used interchangeably in later periods. The verb *alın-*, which

was used in the period of inscriptions, preserves the meaning of "to marry" in Old Uighur Turkic besides the meanings of "to take, to accept", the word used in Qarakhanid Turkic with the meaning of "to take by oneself" was later used in south western language with the meaning of "to be offended", and the word *alınan*, derived from the verb *alın-*, was used with the meaning of "easily offended, offended". Apart from these uses, there are many derivatives of the verb *al-* in Old Uighur Turkic such as *alguçı* "customer," *alım* "debt, tax", *alınçı* "creditor", *alsık-* "to be robbed" etc. In the history of the Turkic language, the verb *al-*, which is very alive and active with both its derivatives and base form, is also found in many compound verbs and idioms.

In south western language, *kan almak*, *ödiinç almak*; *gönül almak*, *boyunun ölçüsünü almak* etc. are just a few of them. Just like the verb *al-*, the form *altur-* is attested in some idioms such as *könül aldur-* "to fall in love, to fall in love", *köz aldur-* "to look, to see", *yürek aldur-* "to be afraid" in Xwarazmian, Kipchak and Chagatai (Turkish) language. The word used in South western language in the form of *aldır-* acquires the different meaning of "to value, to care", which was not witnessed in earlier periods, just as the verb *alın-* is used in the different meaning of "to resent". In addition, the word *aldıra* (<*al-tur-a*), a form of the verb *aldır-* with the adverbial-verbial suffix *-A*, is also used as a preposition in Khakas Turkic. In this paper, the verb *al-* and especially its derivatives *altur-*, *altız-*, which have a very common usage with some phonetic differences in both historical and contemporary Turkic dialects, will be discussed and their usage in the history of Turkic language will be examined.

Key Words: *Old Turkic, al, altur-, altız-*.

Kaya Perihan

Kültigin yazıtı sıklık sözlüğü

A frequency dictionary is a list of words or phrases along with the number of times they occur in a given text or corpus. It's used to analyze the frequency of words or linguistic elements in a language or text, helping researchers and linguists understand patterns of language usage, word popularity, and more.

Frequency dictionaries serve several important purposes in linguistics, language analysis, and research: vocabulary analysis, language learning, text analysis, language variation, language processing, lexicography, cultural and social studies, comparative linguistics, translation, language planning. Overall, frequency dictionaries offer a systematic approach to understanding language use, facilitating a wide range of research and practical applications in linguistics and related fields.

"Frequency Dictionary of Kul Tigin Inscription", is about a compilation of words and linguistic features found in the inscriptions related to the Kul Tigin inscription, ordered by their frequency of occurrence. In the first findings, it was found that words reflecting the concepts of "bodun, kağan, Türk, tegi, anca" in the text of Kul Tigin was the leading words in the frequency list.

As a result, based on the initial findings of this study, it is believed that a more detailed vocabulary specific feature and conceptual analysis of Kul Tigin inscription can be done using text mining techniques, and thus different patterns can be found.

Key words: frequency dictionary, Orkhon inscriptions, Kul Tigin inscription

Несколько замечаний к употреблению аналитической формы *-p bar-*

В настоящей статье рассматриваются случаи употребления аналитической формы *-p bar-* как средства передачи аспектуальных значений и условия его использования. В древнеуйгурском языке, который рассматривается как одна из стадий развития тюркских языков, наблюдается употребление морфологических средств для уточнения характера протекания действия. Одним из таких средств является аналитическая форма *-p bar-*. В исследованиях по древнетюркским и древнеуйгурскому языкам ранее не отмечалось употребление аналитической формы *-p bar-* в качестве средства передачи аспектуального значения ПУНКТИВа. С этой точки зрения интерес для исследования вызывает функциональные характеристики употребления данной формы. В ходе работы были обнаружены примеры, которые служат свидетельством того, что древнеуйгурский язык располагал средствами передачи значения ПУНКТИВа.

Ключевые слова: аспект, пунктив, аналитическая форма, древнеуйгурский язык

К.А. Alieva

Some comments on usage of analytical form *-p bar-*

This article is devoted to the use of the analytical form *-p bar-* as a tool of expressing of aspectual meanings and the conditions for its use. In the Old Uyghur language, which is considered as one of the stages of development of the Turkic languages, the use of morphological means is observed to clarify the nature of the action. One of these tools is the analytical form *-p bar-*. In studies on the Old Turkic and Old Uyghur languages, the use of the analytical form *-p bar-* as a tool of expressing the aspectual meaning of the punctual action has not been previously noted. From this point of view, the functional characteristics of the use of this form are being researched in the study. According to the study, examples discovered serve as evidence that the Old Uyghur language had grammar tool of expressing the aspectual meaning of the punctual action.

Key words: aspect, punctual action, analytical form, the Old Uyghur language

Т.Б. Бекджаев

Употребление персидских слов в фразеологизмах стихотворениях Махтумкули

T.B. Bekjayev

The usage of Persian words in phraseology of Makhtumkuli's poems

Взаимная связь тюркоязычных и персоязычных народов имеет древнюю историю. В результате этих отношений в произведения тюркоязычных авторов и в тюркские языки проникли персидские лексические элементы, а в произведения авторов, пишущих на фарси, и в персидский язык тюркизмы.

Как известно, художественные произведения и научные работы писались на арабском и персидском языках. В источниках по истории литературы отмечается, что в Средней Азии VIII-X веках широкое распространение получил арабский, а в X-XV веках персидский язык. В результате сильного влияния на туркменский язык и литературу этих языков, в произведениях туркменских авторов в известной степени присутствуют персидско-таджикские слова.

Необходимо отметить, что причины и особенности проникновения в лексику туркменского языка персидских элементов, а в персидский язык единиц туркменского языка стали объектом изучения нескольких научных разработок.

Однако, присутствие в составе фразеологизмов туркменского языка персидских лексических элементов и их роль в образовании устойчивых словосочетаний до настоящего времени не были объектом специального научного исследования.

Несомненно, что фразеологизмы любого народа показывают менталитет этого народа. В фразеологизмах находит свое отражение жизнь, культура и богатый исторический опыт народа. Уместное использование их в речи, придает ей особую эмоциональность, художественность.

Формирование и развитие литературного туркменского языка неотрывно связано с именем Махтумкули. Особенности языка произведений Махтумкули Фраги – известного представителя туркменской классической литературы XVIII века, особенно фразеологизмы, используемые в его стихотворениях, дают богатый материал для изучения современного туркменского языка. Хотим обратить внимание читателя на персидские языковые элементы в фразеологизмах произведений Махтумкули.

Персидские слова – компоненты ФЕ языка произведений Махтумкули в процессе использования долгого времени усваивается туркменским языком и подвергаются фонетическим и лексическим изменениям. История этих слов достаточно длинная, если учитывать, что они встречаются в произведениях Махтумкули, созданных в XVIII веке, особенно в составе фразеологизмов. В состав ФЕ могут входить только те слова, которые прочно вошли в лексический состав языка и активно функционируют в разговорной и художественной литературе.

ФЕ языка Махтумкули в составе которых имеются персидские заимствования – обычно двухкомпонентны. Примером могут служить следующие единицы: *arman çekmek* – сожалеть, горевать; *azar salmak* – доставить неудобства; *bagry birýan* – горящий; *bagty ýatmak* – быть в безвыходном положении, попасть в бедствие; *bazary gyzmak* – быть востребованным, удачливым; *çarh urmak* – быть беспокойным, бояться, окучивать кого-, чего либо; *çeñňel urmak* – схватит пятерней, взять; *çawy düşmek* – повлавиться; *dest bermek* – помогать, поддержать. Можно привести огромное количество фразеологизмов языка Махтумкули, подобных приведенным. Слова *arman* (a:ɣma:n-надежда, сожаление), *azar* (a:za:r- боль), *birýan* (birýa:n-изжариться), *bagt* (baht- судьба, рок), *bazar* (ba:za:r), *çarh* (çarh-колесо, небо, судьба, вселенная), *çeñňel* (çenga:l- пятерня. фаланга рук), *çaw* (ça:w- голос, шум, торжество), *dest* (dest- рука, плечо, помощь, поддержка) являются заимствованиями из персидского языка.

Хотя персидские заимствования встречающиеся в составе ФЕ языка произведений Махтумкули активны в разговорной речи, есть немало примеров заимствования с персидского языка, которые проникли в тюркские языки через произведения классической персидской и тюркской литератур. Среди заимствованных посредством произведений письменной литературы персидской лексики имеются слова отражающие разные стороны жизни народа. Они являются свидетельством развитых туркменско-персидских отношений.

Многочисленные персидские заимствования в составе фразеологизмов языка Махтумкули не означает скудость лексического состава туркменского языка, они в основном используются как художественное средство. Эти слова обогащают синонимический ряд и стилистические возможности туркменского языка. Персидские слова встречающиеся в языке произведений Махтумкули, закрепились в туркменском языке не так, как они функционируют в персидском языке, а в фонетических вариантах и значении присущих туркменскому языку.

Целесообразно искать причину активного участия персидских слов в образовании фразеологизмов языка произведения Махтумкули в активных отношениях между туркменским и персидским народами, которые имеют многовековую историю.

**Е.А. Василевская, П.А. Бычкова, О.Н. Каменева,
Р.А. Мухаметьянова, Д.А. Рыжова, Н.Тюзюн**
**Семантические источники дискурсивных формул отрицания,
запрета и отказа в турецком языке**

В турецком языке выделяется несколько маркеров отрицания, для каждого из которых характерны свои морфосинтаксические и семантические ограничения, ср. глагольный показатель *-ma*, маркер экзистенциального отрицания *yok*, показатель *değil*, использующийся преимущественно в именных предикациях, и др., см. (Emeksiz 2010, Seydi 2020).

Однако, помимо грамматических средств отрицания, взаимодействующих с истинностным значением пропозиций, в турецком языке также действует разветвленная система так называемых дискурсивных формул — идиоматичных конструкций, использующихся в диалоге в качестве отрицательного ответа на реплику собеседника (Рахилина и др. 2021), ср. *Hiç de bile!* или *Yok artik*.

На основе анализа корпусных данных (русско-турецкого сегмента корпуса InterCorp и турецкого корпуса TurTenTen), а также опросов носителей по специально подготовленным анкетам мы выделили около 150 таких единиц и разместили их по нескольким параметрам. В зависимости от того, какие функции они могут выполнять в диалоге, мы разделили их на три больших класса: формулы отрицания (реакции на мнения, предположения, общие вопросы, ср. пример 1); запрета (реакции на выражения намерения, просьбы разрешить, см. 2) и отказа (реакции на просьбы, приказы, пожелания, см. 3).

(1)

— *Ya orada, yukarıda bizi bekliyorlarsa?*

— ***Çok saçma!***

— ‘Что, если они нас ждут там, наверху?’

— Не говори глупостей!’ (букв.: ‘Очень смешно!’)

(2)

— *Her şeyle ben ilgileneyeğim.*

— ***Saçmalama. Yemek araştırmacısı ne içindir?***

— ‘Я обо всем позабочусь.

— Глупости! (букв.: «Не глупи»). На что тогда кулинарный исследователь?’

(3)

— *Cumartesi akşam kızınızla akşam yemeğine çıkabilir miyim?*

— ***Mümkün değil.***

— ‘Могу ли я пригласить вашу дочь на ужин в субботу?’

— Это невозможно’.

Помимо результирующего значения, мы проанализировали также исходную семантику конструкций, легших в основу дискурсивных формул, выделив тем самым несколько основных семантических моделей формирования маркеров дискурсивного отрицания в турецком языке. Так, например, формулы отрицания и запрета (но не отказа) часто

формируются на основе выражений отрицательной оценки слов собеседника (ср. 1 и 2), а выражения с семантикой эпистемической или воликативной модальности дают значения отрицания и отказа, но не запрета (ср. 3).

В докладе мы рассмотрим подробнее взаимоотношения между исходной семантикой конструкций и их результирующим прагматическим значением, а также покажем, какое участие в формировании дискурсивных формул принимают маркеры грамматического отрицания *-ma*, *yok* и *değil*.

Литература

Emeksiz, E. Z. (2010). Negation in Turkish. *Dilbilim Araştırmaları*, Vol 2.

Seydi, M. (2020). Existential negation in Turkish: A functional approach. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 16(2), 647-660.

Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. (2021). Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы. *Вопросы языкознания*, 2, 7–27.

А. Ю. Жданов,

**Культура традиционных слабоалкогольных напитков
на злаковой основе у тюркских народов**

A. Yu. Zhdanov

**The culture of traditional low-alcohol grain-based
drinks among the Turkic peoples**

Несмотря на многочисленные религиозные запреты, алкогольная культура многих исламизированных народов (в том числе, тюркских), крайне обширна и жива. Более того, при том, что существуют различия в образе жизни и климатических условиях, встречаются напитки, распространенные с незначительными различиями во всем тюркском мире от Балканского полуострова до Восточного Туркестана.

Поскольку предметом исследования является не алкогольная культура определенного региона либо народа, а категория напитков; освещенность данной темы в отечественных и зарубежных исследованиях крайне низка.

Целью работы, в свою очередь, является выявление региональных отличий слабоалкогольных напитков, изготовленных из зерновых культур, произрастающих в районах проживания народов тюркского происхождения. Среди задач, поставленных исследователем:

1. краткий обзор места зерновых культур в традиционной алкогольной культуре описанных народов;
2. проведение первоначального ономастического анализа касательно напитков, входящих в данную категорию;
3. установление родственных связей и исторического пути распространения напитков, являющихся предметом исследования;
4. компаративный анализ современного состояния данных напитков в кухне указанных народов.

В ходе исследования с целью выявления упоминания предмета исследования в различные исторические периоды была проведена работа с корпусами текстов, также были изучены этнографические свидетельства путешественников и исследователей с XIV в. по наше время, и проанализированы труды по кухне тюркских народов XX-XXI вв. Особую часть

работы составляет качественное исследование путем опроса представителей указанных национальностей и поиск соответствующей информации в сети «Интернет».

В ходе исследования удалось выяснить, что зерно в процессе изготовления алкоголя кочевыми народами Средней Азии и, впоследствии, частью оседлых народов Кавказа и Поволжья, хоть и различно, но неотъемлемо в условиях дефицита плодовых и ягодных культур. Поэтому данная категория спиртных напитков, схожих по технологии производства, с русской «брагой», получила свое распространение на территории практически всего тюркского мира под вариациями «буза» и «максым». Отличия в рецептуре данных напитков в регионах, где представлены оба, понимается различно. Более того, схожесть названий (напр.: «буза»/«боза»/«бозо») также не дает основания предполагать о полной идентичности рецептуры в силу локальных особенностей производства и, зачастую, ограниченности выбора зерновых культур у определенных народов.

О. Ешилот, Г. Сазак Г. Иналджик

Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.)

Николай Федорович Катанов (1862-1922), российский ученый турецкого (хакасского) происхождения, - крупный тюрколог, работавший в различных областях по тюркским народам Сибири и Туркестана. Его работы особенно внесли большой вклад в развитие исследований по этнографии и культуре тюркских народов Южной Сибири. Н. Ф. Катанов, после окончания Санкт-Петербургского университета был направлен в Сибирь и Восточный Туркестан для сбора данных о различных тюркских народах Российской Академией Наук и Русским Географическим Обществом, по предложению и поддержке В. В. Радлова. Во время своего четырехлетнего путешествия с 1888 по 1892 год Катанов побывал в Сибири, Монголии, Туркестане и Китае и вел записи об обычаях и традициях, быте, языках, культурах, этнографии и устном народном творчестве живущих там различных тюркских народов. В 1894 г. он был назначен преподавателем Императорского Казанского университета и избран секретарем Общества Археологии, Истории и Этнографии. Несмотря на интенсивную работу в Казани, Катанов продолжил полевые исследования и в 1896 г. совершил поездку в Минусинский округ Енисейской губернии для изучения диалектов и культурной жизни абаканских татар (ныне хакасов). Ежедневные записи, которые он вел во время поездки, он опубликовал в работе под названием «Отчет о поездке совершенной с 15 Мая по 1 Сент. 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии». Исследование основано на полевых материалах по диалекту, этнографии и фольклору, собранных по географии абаканских татар в конце XIX века. В данной работе в соответствии с информацией, содержащейся в работе Катанова, будут представлены сведения о географии, обычаях и традициях, формах правления, повседневной жизни, этнической и демографической структуре абаканских татар. Работа Катанова, созданная им на основе данных, собранных в полевых условиях около 130 лет назад, сохраняет свою ценность и сегодня в плане анализа культурной жизни хакасов.

Ключевые слова: Н.Ф. Катанов, Абаканские Татары, Хакасы, Тюркские Народы Южной Сибири.

О конструкциях прямого дополнения в языке древнетюркских рунических памятников

Одной из трех типов моделей синтаксических конструкций, пребывающих в синтаксической подсистеме языка, является конструкция с атрибутивной связью между ее компонентами.

Одной из разновидностей атрибутивной модели является дополнительная модель. Дополнительные модели состоят из двух компонентов - дополняемого и дополнения, которые служат средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом. В зависимости от характера участия предмета в действии обозначающее этот предмет, дополнения делятся на два основных типа: прямое и косвенное.

Прямое дополнение обозначает прямой объект, т.е. объект, на который направлено действие. Косвенный объект имеет лишь косвенное отношение к действию.

Прямой объект показывает реальный или грамматический объект, над которым совершается действие в реальном и грамматическом смысле. Он обычно употребляется с переходным глаголом. Прямой объект может быть оформлен аффиксом винительного падежа или быть без падежного указателя. По употреблению аффиксов винительного падежа прямое дополнение можно разделить на два вида: определенную и неопределенную. Определенный прямой объект в текстах рунических памятников может выражаться существительным в винительном падеже, а неопределенный прямой объект - существительным в неопределенном винительном падеже, т.е. без аффиксов.

По ходу исследования языка ДТРП мы определили конструкции прямого дополнения.

М.А. Козинцев

Список «Книги о луке» («Кавс-наме») Мустафы Кеманкеша в собрании ИВР РАН

Доклад посвящен популярному османскому сочинению под названием «Книга о луке» («Кавс-наме»), написанному во 2-й пол. XVII в. Мустафой Кеманкешем (ум. после 1688). По содержанию текст представляет собой практическое руководство, призванное, по словам автора, помочь туркам, не владеющим в достаточной мере арабским языком, постигнуть искусство стрельбы из лука. В нем повествуется о значении лука в исламе; правилах стрельбы; навыках, необходимых лучнику; выдающихся мастерах стрельбы прошлого и т. п. В 2021 г. Ханифи Вуралом и Йашаром Метином Аксом было опубликовано критическое издание данного письменного памятника, снабженное факсимильным воспроизведением списка из Библиотеки рукописей Сулеймание (*Kemankeş Mustafa Efendi. Kavsnâme. Kemankeş Mustafa Efendi'nin Okçuluk Kitabı (Çeviri Yazı – Sadeleştirme – Tıpkıbasım) / Hazırlayanlar H. Vural, Y.M. Aksoy. İstanbul, 2021*). Турецкими учеными были учтены только рукописи, хранящиеся в стамбульских и анкарских собраниях. Между тем, в Арабографическом фонде Института восточных рукописей РАН под шифром В 1017 хранится еще один список данного сочинения. Рукопись с позднейшим заглавием «Книга лучника» («Кеманкеш-наме») переписана в 1240 г. х. (1824–25 г.) каллиграфическим почерком *nasx* и полностью огласована. Кроме того, текст данного списка содержит некоторые отличия от опубликованного в Турции.

Роль и место первых переводчиков туркменского фольклора

Огромная роль в популяризации туркменского (и тюркского) фольклора принадлежит первым переводчикам, работавшим в 19-м – и в 20 веках. В своём подавляющем большинстве это известные учёные, поэты, писатели, общественные деятели, путешественники, которые волею судьбы временно оказывались в странах Средней Азии, Туркменистане, или преданно и самоотверженно исследовали фольклор с различных аспектов. Некоторые из зарубежных переводчиков, за время вынужденного пребывания в Туркменистане выучили туркменский, фарси, казахский, узбекский и другие языки. В статье мы остановимся на след моментах:

1. Первые переводы туркменского героического эпоса «Görogly» («Кер-оглы» и средневекового эпоса «Gorkut ata» («Книга моего деда Коркуда» на европейские языки и переводчики: А.Л. Ходзько-Борейко, Диц, Росси, Фарук Сумер, А. Уйсал, С.Жераньска-Коминек).

2. Переводы эпосов «Görogly» («Кер-оглы» и средневекового эпоса «Gorkut ata» («Книга моего деда Коркуда» на русский язык и переводчики: А. Бернес, С.С. Пенн, И.Н. Березин, В.В. Бартольд, Б.А. Каррыев).

3. Переводы поэтических жанров туркменского фольклора на европейские и русский языки и переводчики А.П. Поцелуевский, М. Тарловский, Г.И. Карпов, Н. Гребнёв, А. Кочетков, В. Потапова, К. Блэквилл.

4. Переводы произведений лирико-эпического жанра на русский язык (Переводчики: Г. Шенгели, Г. Веселков, Н. Манухин, Н. Вольпин).

5. Переводы прозаических жанров фольклора на европейские и русский языки и переводчики: А.Н. Самойлович, Л.И. Климович, Ю. Олеша, М. Сакали, Б.А. Каррыев, Б. Шатилов, Т. Павлов, О. Эрберг, В. Попов, Н.Ф. Лебедев, А. Александров, М. Трубецкой, В. Барабаш, В. Чепрунов, А. Белянинов, Н. Желнин, Ю. Мамедов, Н. Очиров, Е. Серебровская, Н. Остроумов, Л. Лугин).

6. Переводы туркменского фольклора на языки народов СССР. (Переводчики: Энн Ойя, А. Дадаходжаев, И. Искендеров, О. Мурад Бахшиогли, Д. Джефаров, Н. Эркинов, С. Алиев, Ю. Мамедов, Я. Беганский, Г. Айдорова, О. Турманджанов, И. Жарылганов, И. Русси, К. Минелбаев, Л. Письменная, А. Геадзе).

В даются соответствующие выводы и предложения.

В.Д. Колотова

История заимствований в азербайджанском языке

V.D. Kolotova

The history of borrowings in the Azerbaijani language

Лексика азербайджанского языка состоит не только из исконно тюркских слов, но и из немалого количества заимствований из арабского, персидского, русского и других языков.

Словарный состав современного языка, на котором говорят жители Азербайджанской Республики, пополнялся различными нетюркскими лексическими единицами на протяжении всего процесса его развития.

Процесс проникновения заимствований в азербайджанский язык можно разделить на два больших периода согласно основным языкам-источникам заимствованных слов: до конца

XVIII в. – заимствования из арабского и персидского языков – и с начала XIX в. – заимствования из русского языка.

Наличие большого количества арабо-персидской лексики в языке XVI-XVIII вв. объясняется периодическим господствующим положением этих языков на территории современной Азербайджанской Республики до присоединения азербайджанских ханств к Российской империи, а также распространением ислама в VI в. и в особенности распространением исламской литературы.

С вхождением азербайджанских ханств в состав Российской империи в XIX в. началось проникновение в азербайджанский язык русизмов, также на присоединенных территориях возрастало и значение самого русского языка как языка администрации и образования.

В начале XX в. случилась новая волна заимствований из русского языка, которая была связана с вхождением Азербайджанской Республики в состав СССР: были максимально расширены связи азербайджанцев с представителями других союзных республик, русский язык занимал место языка коммуникации, а также знание русского языка было важно для продвижения по карьерной лестнице.

В постсоветский период азербайджанской истории влияние русского языка и русской культуры в стране значительно сократилось, но произошел приток арабо-персидских заимствований в азербайджанский язык в связи с всплеском изучения религии и её возрождением в целом.

Современный азербайджанский язык всё ещё продолжает подвергаться влиянию русского языка, однако это влияние затрагивает в основном разговорный азербайджанский язык.

В связи с процессом глобализации и возрастающей ролью английского языка как языка международного общения все большее распространение получают англицизмы, которые употребляются, как в разговорной речи азербайджанского языка, так и в языке прессы.

Т.О. Кураксина

**Отражение принципов политической доктрины нео-османизма
в работе Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»**

T.O. Kuraxina

**Reflection of the principles of the political doctrine of neo-Ottomanism
in “The Strategic Depth” by Ahmet Davutoglu**

Важное место в рассмотрении концепции нео-османизма играет фигура Ахмета Давутоглу, турецкого государственного и политического деятеля. Интерес представляет его работа под названием «Стратегическая глубина: международное положение Турции», которая была выпущена в 2001 году. В ней Давутоглу предложил принципиально новую концепцию турецкой внешней политики по отношению к соседним государствам, а также близким в культурном и историческом отношении тюркским государствам.

Давутоглу исходил из того, что политический вес любого государства в контексте мирового устройства определяется в сочетании с геостратегическим положением страны и показателем ее «исторической глубины». Именно Турция лучше всего подходит под понятие «стратегической глубины», поскольку «стратегическая глубина» Турции заключается в ее уникальном географическом положении и богатом историческом наследии. Турция находится

сразу на двух континентах, тем самым обладая особым местоположением на стыке Европы и Азии, Запада и Востока, и соединяет сразу несколько важных регионов. В то же время Турция наследует особым традициям от Османской империи. Последнее особенно существенно, поскольку османам удалось объединить под своей властью практически весь мусульманский мир, что потенциально делает сегодняшнюю Турцию «мусульманской сверхдержавой». Обладая комбинацией разных параметров, Турция «по определению не может быть периферией или второстепенным членом ЕС, НАТО или просто частью Азии».

Концепция Давутоглу произвела сильное впечатление на руководство правящей партии справедливости и развития, в особенности к работе «Стратегическая глубина» проявил интерес лидер партии - Реджеп Тайип Эрдоган, который на период с 2003 - 2014 годов также был премьер-министром Турецкой Республики, а с 2014 года занимает пост президента страны. Ахмет Давутоглу стал советником Эрдогана по внешнеполитическим вопросам, затем послом, а в 2009 году - министром иностранных дел.

Текущая политическая деятельность Турецкой республики также сводится к идеям нео-османистического вектора развития, однако на современном этапе важно учитывать целый ряд особенностей, свойственных турецкой политике. Все эти особенности в той или иной степени отсылают нас к политической доктрине нео-османизма, ключевые положения которой были представлены в работе Ахмета Давутоглу.

М. К. Курбанов, Д. А. Курбанова

Эпические жанры туркмен: происхождение, жанровые разновидности, современное состояние

Туркменское эпическое творчество представляет собой важную ветвь огромной тюркоязычной культуры. Устным формам бытования эпических памятников посвящены труды различных исследователей, в числе которых А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов, И. В. Пухов, Л. В. Гребнев, А. И. Уланов, И. С. Брагинский, Г. Г. Григорян, М. Ауэзов, А. Кунанбаева и другие.

Эпическое исполнительство относится к числу развитой области народного творчества туркмен. Традиция исполнения эпических жанров активно бытует в Туркменистане в современное время. Носителями эпических традиций являются певцы-сказители – *бахши-дестанчи*, одновременно сочетающие в себе профессию певца, актера и инструменталиста. Интонация сказителя драматически насыщенная, экспрессивная, самостоятельное значение имеет музыкальное интонирование. Каждый *дестанчи* обладает своим индивидуальным подходом к исполнению эпоса.

Репертуар *бахши-дестанчи* отличается жанровым разнообразием, сюда входят монументальные эпические циклы «Горкут ата» и «Гёроглы», а также многочисленные *дестаны*. *Дестан* – слово персидского происхождения, которое означает легенду, рассказ. Часто *дестаном* называют эпос вообще. По своему объему *дестан* близок к роману. В нем участвует много героев, он охватывает большое количество событий. В туркменском фольклоре и классической литературе термин *дестан* применялся помимо лирико-эпических произведений, также для обозначения поэтических произведений вообще. Туркменские поэты-классики *Махтумкули*, *Кемине*, *Шабенде* нередко называли свои произведения *дестанами*.

Эпические жанры туркмен представляют собой композиционные структуры, основанные на чередовании прозаических разделов со стихотворными. Проза (*кысса*) исполняется сказителями в характерной для каждой локальной школы декламационной манере, стихотворные вставки исполняются в виде песен, в сопровождении музыкальных инструментов – дутара и гиджака. Хотя прозаические тексты являются важным структурным элементом сказания, главенствующее значение в дестанах имеет музыка. Именно эпическая песня выступает в качестве основы, фокусирующей в себе стиль и манеру исполнения конкретного бахши-дестанчи, а также характерные особенности отдельной школы эпического сказительства.

Дестанное исполнительство популярно на территории всего Туркменистана. Центрами являются Дашогуз (северный регион государства) и Мары (юго-восточный регион). В Дашогузе дестанчи с воодушевлением исполняют главы эпоса «Гёроглы» и любимые народом дестаны: «Шасенем и Гарып», «Неджеп оглан», «Хюрлюгка и Хемра», «Аслы и Керем». Создателями многих дестанных поэм являются поэты-классики – Молланепес («Зохране и Тахыр»), Андалиб («Юсуп и Зулейха», «Баба Ровшен», «Лейли и Меджнун»), Шабенде («Шабахрам»), Магруппы («Юсуп и Ахмет»). В Марыйской школе эпического сказительства преобладает религиозная тематика. Ярким представителем марыйской традиции является *Гурт Якубов*, репертуар которого насчитывает свыше 80 наименований (дестаны «Хатам тай», «Мухаммет Ханапья», «Эдхем Дивана», «Ымам Хасан и Ымам Хусейин», «Гулпам», легенды с музыкой «Узуклар», «Дарайы донлы» и другие).

Туркменские бахши-дестанчи являются продолжателями традиций огузских озанов, наиболее ранние образцы искусства которых относятся к периоду тюркских каганов [Баймурадов 2009: 719]. Первые образцы архаичных эпических жанров возникли на территории Туркменистана еще на заре огнепоклонничества. Народные праздники и обычаи современных туркмен содержат множество доисламских элементов, связанных с язычеством древних тюрков и с зороастрийскими культами обитателей старейших среднеазиатских оазисов. Начиная с эпохи неолита ритуальный фольклор постепенно трансформировался в самостоятельную область художественного творчества, что привело к появлению специализированных исполнителей. Отсюда обычное в первобытном обществе совмещение профессии певца и колдуна-шамана. В эпоху ранних кочевников формируются зачатки героического эпоса. «Такие жанры, как песенные состязания, героические оды в честь выдающихся военачальников, сказки, по содержанию и условиям бытования были связаны с комплексом религиозно-магических идей, характерных для людей, проживавших до древнетюркской эпохи. К середине I тысячелетия появляются жанры художественно-поэтического творчества, что говорит об изменениях в духовной культуре кочевого тюркского общества» [Турсунов 2004: 15].

В эпосе туркмен отображен мир кочевников. Одним из древнейших памятников считается древнеуйгурская рукопись «Огузнаме». Примеры героической поэзии, содержащиеся в словаре среднетюркского языка «Диван лугат ат-Тюрк» Махмуда Кашгари (1073 г.), подтверждают популярность героической поэзии среди тюркоязычных племен Средней Азии в ранний период их истории. Своего расцвета, по мнению исследователей, мир эпоса достигает в XIII-XIV веках. В этот период описания легендарной истории огузов оформляются в эпос «Книга моего деда Коркута», рукописные списки которого хранятся в Дрезденской и Ватиканской библиотеках. Большой вклад в изучение огузского эпоса внес В. В. Бартольд, который еще в студенческие годы (1891-1892 г.) перевел 12 песен Дрезденского списка на русский язык. Работавшие с данными текстами А. Ю. Якубовский,

В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов и другие исследователи отмечали высокие научные и художественные достоинства переводов В. В. Бартольда [Якубовский 1962: 35].

«Со средневековыми огузами в этническом и языковом отношении связаны три современных тюркоязычных народа — туркмены, азербайджанцы и турки. Для всех этих народов эпические сказания, отложившиеся в «Книге Коркута», представляют художественное отражение их исторического прошлого. Книга эта является записью и литературной обработкой эпических сказаний, слагавшихся и передававшихся у этих народов в устно-поэтической традиции с IX по XV века. Этот замечательный памятник древней национальной культуры является в своем роде единственным отражением народного поэтического творчества тюркоязычных народов в столь отдаленную историческую эпоху» [Жирмунский, Кононов 1962: 11].

До середины XX века эпос «Горкут ата» занимал центральное место в репертуаре туркменских дестанчи племени *човдур* (северное направление эпического сказительства). Именно от човдурских дестанчи были записаны 12 глав сказания, которые в 1950 году академик Мяти Косяев подготовил к печати. Однако, антирелигиозная политика тех лет не позволила осуществить публикацию эпоса «Горкут ата». Данный труд был издан лишь в 1995 году под редакцией академика Баймухамеда Гаррыева. Связанные с запретом упоминания эпоса «Горкут ата» обстоятельства негативно сказались и на его исполнительской традиции, которая вскоре была полностью утеряна. В настоящее время в репертуаре човдурских бахши сохранилось лишь несколько песен из эпоса, которые современные дестанчи исполняют на другие тексты.

Сохранилось и почитание главного персонажа сказаний – старца Горкута, который наряду с *Ашык Айдыном Пиром* и *Баба Гамбаром* считается покровителем музыки и музыкантов. По мнению В. Н. Басилова, прежде функции данных святых были шире, они покровительствовали не только поэтам и музыкантам, но шаманам. Сопоставляя образы деда Коркута и Баба Гамбара, исследователь В. Басилов выявляет их языческие черты: оба – покровители певцов и музыкантов, изобрели первые музыкальные инструменты, представляются бессмертными. На могиле Коркута положен кобыз. И на могилах Гамбара присутствует его музыкальный инструмент в виде дерева, выросшего из ушка дутара [Басилов 1970: 40].

Связь между современными бахши и древними шаманами (баксы) проявляется на различных уровнях. Для того, чтобы стать бахши (шаманом) необходимы особое природное дарование; способность воздействия на аудиторию; актерское мастерство; философское видение мира, получение благословения наставника. Едиными для формирования бахши и порхана являются методы обучения и условия выступления (время проведения выступления); а также трехэтапность акта камлания (выступления бахши).

Одним из обязательных условий естественного существования эпической традиции является наличие высокоразвитого устного профессионализма, сохраняющего механизм ее передачи и воспроизведения. Материализуется он в виде традиционной системы обучения по принципу «халыпа-шагирт». Распространенным типом являются семейные династии дестанчи, где приобщение к мастерству сказительства происходит с самых молодых лет, вначале пассивно, как объективный фон жизни. И дальше – в процессе усвоения и выступлений, вначале в качестве дублера своего наставника, и, наконец, уже самостоятельно.

Таким образом, эпическое искусство туркмен, ведущее свои истоки от древних озанов, отличается жанровым разнообразием и высоким уровнем исполнительского мастерства народных певцов-сказителей. Профессиональные качества формируют личность дестанчи,

который оценивает свою деятельность не как «пение песен», а как высокую миссию, к которой он призван. Сюжеты о легендарных эпических героях не только продолжают функционировать в традиционном музыкально-поэтическом наследии, но и принимают формы искусства нового времени, содействуя дальнейшему взаимовлиянию культур различных народов.

Аннотация: Туркменское эпическое творчество представляет собой важную ветвь огромной тюркоязычной культуры. Цель статьи – охарактеризовать происхождение, жанровый репертуар, а также современное состояние эпического сказительства в Туркменистане. Носителями эпических традиций у туркмен являются *бахши-дестанчи*, репертуар которых отличается жанровым разнообразием. Туркменские эпосы и дестаны представляют собой композиционные структуры, основанные на чередовании прозаических разделов со стихотворными. Главенствующее значение в дестанах имеет музыка, эпическая песня выступает в качестве основы, фокусирующей в себе стиль и манеру исполнения конкретного *бахши-дестанчи* и особенности отдельной школы. Песня в дестане является важным художественным фактором, своеобразной музыкальной характеристикой, раскрывающей духовный мир героев. По количеству песен, исполняемых от имени того или иного персонажа, можно судить о роли данного героя в сказании.

Ключевые слова: эпическое наследие, туркменский *бахши-дестанчи*, эпос, дестан, школа сказительства

**M. K. Kurbanov,
D. A. Kurbanova**

Epic genres of Turkmens: origin, genre varieties, current state

Turkmen epic creativity is an important branch of the vast Turkic-speaking culture. The purpose of the article is to characterize the origin, genre repertoire, as well as the current state of epic storytelling in Turkmenistan. The carriers of epic traditions among the Turkmens are *bakhshi-destanchi*, whose repertoire is distinguished by genre diversity. Turkmen epics and destans are compositional structures based on the alternation of prose sections with poetic ones. Music is of paramount importance in destans, the epic song acts as a basis, focusing in itself on the style and manner of performance of a particular *bakhshi-destanchi* and the features of a separate school. The song in the *destan* is an important artistic factor, a kind of musical characteristic that reveals the spiritual world of the characters. By the number of songs performed on behalf of a particular character, one can judge the role of this hero in the legend.

Keywords: epic heritage, Turkmen *bakhshi-destanchi*, epos, *destan*, storytelling school.

Э.Е. Лебедев

О некоторых вопросах глагольной морфологии чувашского языка

Система глагольных форм в чувашском языке в целом демонстрирует те же особенности, что и в других тюркских языках. Так, например, образование и основные семантические признаки форм категории времени практически полностью идентичны таковым у временных форм турецкого языка. Схожим образом обстоит дело и с другими категориями глагола. Тем

не менее, говорить о том, что в чувашском языкознании имеется полное понимание в отношении структуры и состава словоизменительных глагольных категорий, пока рано. В своем выступлении мы хотим коснуться некоторых вопросов глагольной морфологии чувашского языка, которые, на наш взгляд, актуальны с точки зрения адекватного описания соответствующих категорий и форм и создания полноценной теории в этой области.

Основной проблемой при описании указанного фрагмента грамматической системы чувашского языка, по нашему мнению, является установление точного состава грамматических категорий глагола и состава форм каждой из этих категорий. Для ее решения необходимо разобраться с более частными вопросами, к которым в числе прочих относятся следующие вопросы: 1) определение грамматического статуса форм с различными залоговыми значениями (словоизменение или словообразование); 2) определение положения в грамматической системе чувашского языка сложновербальных конструкций с акционсартовыми значениями (аналитическая форма или свободное синтаксическое сочетание); 3) установление статуса некоторых сложновербальных конструкций, передающих модальные значения (аналитическая форма или свободное синтаксическое сочетание). Для решения этих и других вопросов, как нам представляется, необходимо изучать указанные формы и конструкции в функционально-семантическом аспекте, так как именно такой подход позволяет наиболее точно определить их грамматический статус.

По результатам проведенных нами исследований предлагаем включить в систему глагольных словоизменительных категорий категории залога и аспектуальности и дополнить категорию наклонения аналитическими формами со значениями желания и долженствования: *-ac/-ec кил, -ac/ес те, -ac/-ес пул.*

Р.Ф. Мирхаев

К проблеме исследования социальной обусловленности функционального развития татарского языка в историческом аспекте

В условиях современной действительности, в которой национальные языки все больше подвержены влиянию социокультурных факторов, связанных с глобализационными процессами, перед мировым сообществом остро стоит вопрос сохранения того уникального языкового многообразия, которое человечество унаследовало от предыдущих поколений. По мнению специалистов, если в ближайшем будущем не будут приняты какие-либо действенные меры, к середине нынешнего столетия из употребления выйдет почти половина существующих на сегодняшний день языков. В определенной степени данная проблема актуальна и для татарского языка.

В свете этого в рамках современной лингвистики неоспоримую актуальность приобретают исследования, направленные на выявление социальных механизмов поддержания и развития функциональной мощности подверженных угрозе исчезновения языков. И здесь получению необходимых результатов может способствовать обращение к тем периодам, в которые тот или иной язык достиг наивысшей точки своей эволюции в указанном аспекте. Для татарского языка таковым является вторая половина XIX – начало XX века. В историческом плане именно этот хронологический промежуток считается самым эффективным в плане функционального развития, что проявилось в расширении как сред и сфер его функционирования, так и лексико-семантической и грамматической структур.

Принимая во внимание эти факты, автором была выдвинута гипотеза о том, что обеспечившие развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX века социальные механизмы нашли свое отражение во взаимодействии основных форм существования татарского языка в рамках его сред функционирования и сфер употребления, сложившихся к указанному периоду, в стратификационно-ситуативных параметрах структуры социально-речевого портрета основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX века и в лексико-семантической системе татарского языка. При этом имевшие в нем в указанный период позитивные трансформации стали возможными благодаря поддержке экстралингвистических факторов на лингвистическом уровне. Другими словами, язык в функциональном и структурном отношениях должен достичь того состояния эволюционной зрелости, при котором он и сам мог бы эффективно реагировать на воздействие социокультурных перемен.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы было проведено исследование, целью которого явилось раскрытие корреляционных отношений между имевшими место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX века социокультурными процессами и происходившими в данный период на различных участках татарского языка системными трансформациями. Достижение намеченной цели было осуществлено при помощи алгоритма научно-исследовательских действий, который включал в себя:

- анализ социальных условий развития татарского языка в рассматриваемый период;
- реконструкцию его функциональной парадигмы, описание сред и сфер употребления;
- определение степени соотнесенности речевой практики основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX века с функциональными стратами татарского языка;
- выявление коммуникативных сфер и социальных ситуаций, в рамках которых осуществлялась речевая практика представителей данных сообществ;
- изучение особенностей репрезентации имевших место в татарском обществе на обозначенном историческом этапе социокультурных явлений внутри семиологических классов имен собственных, абстрактных и конкретных слов.

В результате проведенной работы были получены следующие данные:

1. Функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX века было детерминировано экстралингвистическими факторами, которые в этническом плане привели к началу становления татарской буржуазной нации прогрессивного толка; в социально-экономической сфере – к перестраиванию хозяйственных отношений и формированию новых социальных групп; в культурной жизни – к переосмыслению духовных ценностей, а в области языка ознаменовали переход к новой лингвистической системе.
2. Переход татарского языка на новую эволюционную ступень в обозначенный период сопровождался преобразованиями в структуре его функциональной парадигмы и перестраиванием внутренних связей между ее компонентами, которые складывались в течение многих веков под влиянием лингвистических и социокультурных традиций.
3. Полноценное функционирование татарского языка в качестве коммуникативного средства общенационального масштаба на выделенном историческом этапе наряду с традиционными средами его бытования было поддержано и на уровне новых социальных слоев, групп и институтов татарского общества.
4. Реализация в полном объеме функционального потенциала татарского языка во второй половине XIX – начале XX века, обеспечившая его развитие и в дальнейшем, стала

возможной благодаря широкому спектру коммуникативных сфер, диапазон которых в указанный период расширился еще больше в силу происходивших в обществе изменений.

5. Динамическое развитие татарского языка в рассмотренном временном интервале обеспечивалось широкой социальной базой, что нашло свое отражение в вовлеченности ресурсов его функциональных страт и их разновидностей в речевую практику всех корпоративных групп татарского общества рассматриваемого периода.
6. Коммуникативная деятельность основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX века выступила в качестве внутреннего социального механизма, который обеспечил полноценное функционирование татарского языка в указанный период в различных общественных сферах.
7. Функциональное развитие татарского языка в обозначенный период было поддержано и на уровне его лексико-семантической системы, что проявилось в обогащении словарного состава новыми элементами, в расширении значений лексических единиц всех семиологических классов и их контекстуальных связей. В свою очередь данный фактор указывает на достижения им соответствующей зрелости в эволюционном отношении и гибкости в плане репрезентации новых экономических и социокультурных реалий.

По мнению автора, выстроенную и апробированную в рамках исследования методику анализа социальной обусловленности функционального развития татарского языка в дальнейшем можно применить и в отношении других тюркских языков. При этом полученные в ходе исследования результаты в условиях современных реалий могут быть использованы в процессе выработки мер поддержки их функциональной мощности, которые как и другие национальные языки подвержены негативным воздействиям глобализационных процессов современности.

Т. Коркмаз

Турецкие источники армянским письмом

В мировой истории есть немало народов, которые используют более одного языка при создании собственной культуры и литературы. В Средние века в качестве языков науки широко использовались латинский и арабский языки. Иранская литература сформировалась за счет использования персидского и арабского языков. Литературное наследие Индии возникло с использованием персидского языка. Нельзя не учитывать использование персидского и арабского языков в формировании литератур тюркоязычных народов. Среди армян, проживающих в пределах Османской империи, широко использовались два языка. Турки и армяне, веками жившие вместе, находились под влиянием языка, литературы и искусства друг друга. Армяне составляли богатую группу в османском обществе. Такая ситуация позволяла им легко отправлять своих детей на обучение за границу. Состоятельные и образованные армяне, напротив, заняли свое место в турецкой бюрократии, которая была доминирующей нацией. При этом армянский язык утратил свою распространенность как из-за плотности населения, так и из-за того, что они были в высших слоях. Культура тюркской письменности армянскими буквами возникла как средство общения с армянским населением христианской религии и самовыражения таким же образом. Конечно, это также рассматривается как результат усилий по защите собственной культуры и сопротивлению отчуждению. Использование этого стиля можно найти в поэмах и эпосах менестрелей, в письменной литературе, переводных произведениях, газетах и журналах, надгробных

эпитафиях, многоязычных словарях, Библии и других религиозных книгах. Кроме того, были созданы работы во многих областях, таких как математика, медицина, астрономия, химия, религия, философия, юмор, журналы и искусство. В области истории обращают на себя внимание артефакты, описывающие культурное наследие и церковную историю в городах, где проживают армяне.

В исследовании дана информация о становлении и истории культуры тюркской письменности армянскими буквами. Экзамены проводились путем представления примеров из прессы, публикаций и рукописей.

Ключевое слово: турецкий с армянскими буквами, Османские армяне, Армянский алфавит, Османский турецкий, Османское общество

T. Korkmaz

Armenian Letters On Turkish Sources

In world history, there are many peoples who use more than one language while creating their own culture and literature. In the Middle Ages, Latin and Arabic were used as languages of science among Western peoples. Iranian literature was formed by the use of Persian and Arabic. The literary legacy of Persian India emerged. The use of Persian and Arabic in the formation of the literature of Turkish-speaking peoples cannot be ignored. Two languages were widely used among the Armenians living within the borders of the Ottoman Empire. Turks and Armenians, who lived together for centuries, were influenced by each other's languages, literature, and arts. Armenians constituted a wealthy group in Ottoman society. This enabled them to easily send their children to study abroad. Rich and educated Armenians took their places in the Turkish bureaucracy, which was the dominant nation. In this process, the Armenian language lost its prevalence due to both population density and being in the upper strata. In this case, with the Armenian population that adheres to the Christian religion, which is seen as the product of an effort to preserve their own culture and resist alienation. Turkish writing culture with Armenian letters emerged as a means of communicating and expressing oneself in the same way. The use of this style can be found in the poems and epics of lovers, in written literature, translated works, newspapers and magazines, tombstone epitaphs, multilingual dictionaries, the Bible and other religious books. In addition, works were produced in many fields such as mathematics, medicine, astronomy, chemistry, religion, philosophy, humor, journals, and art. In the field of history, works describing the cultural heritage and church history in the cities where Armenians lived draw attention.

In the study, information is given about the formation and history of Turkish writing culture with Armenian letters. Examinations were made by presenting examples from the press, publications, and manuscripts.

Keywords: Turkish with Armenian Letters, Ottoman Armenians, Armenian Alphabet, Ottoman Turkish, Ottoman society.

A. M. Первушин

Из истории установления дипломатических контактов Османской империи с Прусским королевством

Современные отношения между Турцией и Германией включают партнерство во многих сферах общественной жизни. Однако история сотрудничества этих двух бесспорно

лидирующих в своих геополитических регионах державах начинается задолго до 1960-х годов, когда сотни тысяч турецких рабочих иммигрировали в Германию.

Попытка изучить непосредственное начало двусторонних дипломатических турецко-немецких отношений представляет определенный научный интерес, тем более что пробелы в исследовании этой темы сегодня весьма значительны. В заявленной теме турецко-немецкие отношения понимаются в рамках преемственности, выстроенной официальной историографией и не делающей особых различий между Королевством Пруссия и созданной на ее фундаменте Второй Германской империей, а также определяющей Турцию как политическую наследницу Османской империи.

Источниковой базой данного исследования стали доступные документы османско-прусской политической переписки. К этим источникам относятся: письмо великого визиря Нишанджи Мехмед-паши старшему министру Пруссии от 13/14 января 1718 г.; 3 документа из переписки короля Фридриха Вильгельма I с султаном Ахмедом III и великим визирем Невшехирли Ибрагим-пашой в период с сентября 1720 года по июнь 1721 года.

Через все первые десятилетия истории прямых взаимодействий Османской империи и Пруссии красной линией проходит стремление обоих государств приобрести как политического, так и экономического союзника, против общего конкурента — австрийской династии Габсбургов. Благодаря анализу исторических источников становится ясно, что нейтралитет Пруссии в Австро-турецкой войне 1716–1718 годов стал главным поводом к написанию первого документа в истории османско-прусской политической переписки, который уже изобилует выражениями дружбы и благоволения. Пруссия планировала установить прямые торговые отношения с Османской империей еще со времен правления короля Фридриха I, а первые прусские посланники поспособствовали подготовке почвы для коммерческого союза, достигнутого в будущем уже при третьем прусском короле — Фридрихе II.

Выводы данного исследования демонстрируют в целом, какое место в XVIII столетии занимает Османская империя в борьбе Пруссии за ее превращение в великое государство, и какое место во внешнеполитической картине Порты, в свою очередь, занимает Прусское королевство, благотворно повлиявшее на процесс интеграции Османской империи в европейскую систему взаимоотношений.

Е.В. Погуляева

**Трансформация лингвистической идеологии в республиканской Турции до 1950 г.
(по материалам выступлений и отчетов учёного и политика Х.Р. Танкута)**

Е. Pogulyaeva

The Transformation of Linguistic Ideology in Republican Turkey Before 1950 (Based on the Speeches and Reports of the Scientist and Politician H.R. Tankut)

В докладе освещается вопрос трансформации лингвистической идеологии в Турецкой Республике до 1950 г. Хронологические рамки исследования ограничиваются, с одной стороны, последними годами президентства Мустафы Кемала Ататюрка, с другой стороны, выдвижением на политическую арену Демократической партии. В качестве одного из основных проводников лингвистической идеологии в Турции в исследуемый период выступало Турецкое лингвистическое общество (ТЛО), которое осуществляло свою деятельность в русле политики правящей Народно-республиканской партии (НРП).

Лингвистическая идеология – понятие, зародившееся в американской антропологии, появившееся в 1970-е гг. К ее проявлениям относятся представления определенных людей и обществ о языке и языках; процесс создания и изменения стандартизированных языков посредством выбора, обусловленного социальными и политическими причинами; политика различных организаций и институтов (например, образовательных, научных или политических) по отношению к языкам и их носителям, формирующая представления о них на микро- и макроуровнях [см. 6–8].

В рамках проведенного исследования были проанализированы публичные выступления турецкого политика и учёного, депутата Великого национального собрания Турции, деятеля ТЛЮ, в 1940-е гг. занимавшего должность генерального секретаря организации, Хасана Решита Танкута (1891–1980). Х.Р. Танкут был одним из важнейших идеологов республиканского времени в Турции в период двух первых президентов; он представлял идеологические взгляды правящей партии и ТЛЮ одновременно. Его научная деятельность включала изучение вопросов лингвистики и этнологии [5]; он был в числе создателей Солнечной теории языков, провозгласившей пратюркский язык происхождением остальных языков мира.

В качестве источников были использованы два выступления Х.Р. Танкута на языковых съездах ТЛЮ (1936 г., доклад о Солнечной теории языков [4], и 1945 г., выступление об истории языковых съездов, направлениях текущей и будущей деятельности ТЛЮ [1]), доклад на Втором Турецком историческом конгрессе «О связях языка и расы» в 1937 г. [3], письменная речь для газеты «Улус» в 1948 г. по случаю 25-ой годовщины основания Турецкой Республики, в которой поднимается тема связи языкового и национального вопросов в официальной политике НРП и участия в этом ТЛЮ [2].

В рамках исследования было изучено, каким образом в разные годы в публичных выступлениях Х.Р. Танкута преподносился вопрос о национальном языке в Турции; передавалось отношение к турецкому и другим языкам с целью создания необходимого в рамках идеологии мифа; как это формулируемое представление о национальном языке встраивалось в общую идеологическую картину в Турции в контексте меняющихся исторических условий. Выявлено, что на развитие лингвистической идеологии в Турции влияли такие процессы и события, как смена власти в стране, начало двухпартийности, влияние идей из других стран и окончание Второй мировой войны.

Источники:

1. Beşinci Türk Dil Kurultayı. 1945. Birleşimler, Tutanaklar, Tezler. — İstanbul: Cumhuriyet Basımevi, 1946. — S. 5–24.
2. Tankut, H.R. 29 Ekim 1948'de Ulus Gazetesinde Çıkan "Cumhuriyetin Yirmibeşinci Yılında Türk Dili" Adlı Yazı // Türk Dil Kurumu Genel Yazmanı Hasan Reşit Tankut'un Türk Dili Üzerine Söylevleri, Demeçleri ve Yazıları. — Ankara, 1949. — S. 40–46.
3. Tankut, H.R. Dil ve Irk Münasebetleri Hakkında. — İstanbul: Devlet Basımevi, 1937. — 8 s.
4. Tankut, H.R. Güneş-Dil Teorisi'ne Göre Pankronik Usullerle Paleo-Sosyolojik Dil Tetkikleri // Üçüncü Türk Dil Kurultayı, 1936: Tezler, Müzakere, Zabıtlar. — İstanbul: Devlet Basımevi, 1937. — S. 95–139.

Литература:

5. Alpaslan, E., Aydın, T. Bir Cumhuriyet Aydını Olarak Dil ve Kültür Politikaları Işığında Hasan Reşit Tankut // Ankara Üniversitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi. — Bahar 2017. — Sayı 60. — S. 23–53.

6. Blackledge, A. *Discourse and Power in a Multilingual World*. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. — 253 p.
7. Lippi-Green, R. *Accent, Standard Language Ideology, and Discriminatory Pretext in the Courts*. // *Language in Society*. — 1994. — Vol. 23, No. 2. — P. 163–198.
8. Milroy, J., Milroy, L. *Authority in Language. Investigating Standard English*. — 4th ed. — Routledge: London, New York, 2012. — 192 p.

Л.В. Софронова

Назым Хикмет как литературный герой романа-биографии

В XXI веке в турецкой литературе, как и в мировой литературе, наблюдается повышенный интерес к биографическому жанру, что обусловлено современными тенденциями к публичному обнажению частной жизни знаменитых современников в медийном пространстве. Эти процессы, происходящие и в СМИ, и в обществе в целом, не могли не найти своего отражения и в литературе, которая посредством развития жанра биографического романа расширяла круг своих читателей.

В современной турецкой литературе, как мы писали ранее¹, продолжает свое развитие историко-биографический роман о выдающихся персоналиях, вошедших в мировую историю и, прежде всего, в историю Османской империи. Но параллельно появляется все больше и больше литературных биографий турецких и османских писателей и поэтов, например, Намыка Кемаля, Яхьи Кемаля, Орхана Вели и т.д. Наше внимание привлекли произведения, посвященные великому турецкому поэту Назыму Хикмету (1902–1963), интерес к личности которого и жизненному пути никогда не ослабевал. В ракурсе нашего рассмотрения оказались биографии Назыма Хикмета, созданные современными писателями разных поколений Хафызом Топузом (1923–) «Воздух тяжел как свинец» (*Hava kurşun gibi ağır*, 2011), Энвером Айсевером (1971–) «От макушки до пят бунтарь, Назым Хикмет» (*Tepeden tırnağa isyan Nazım Hikmet*, 2018), Халюком Оралом (1957–) «Путь Назыма Хикмета» (*Nazım Hikmet'in yolculuğu*, 2019).

В силу сложившихся обстоятельств, когда Назым Хикмет вынужден был покинуть свою родину и прожить последний отрезок своей жизни в СССР, в Турции долгое время его произведения считались образцами коммунистической пропаганды и были под запретом публикации. Отдельные стихи поэта начали выходить в свет на турецком языке в 60-е годы, после его смерти, а полное собрание сочинений в 9-ти томах было подготовлено Асымом Безирджи и издано в 1975-1980 гг. Следует отметить, что в 60-70-х гг также были опубликованы тюремные письма Назыма Хикмета к друзьям и жене Пирайе. Несколько позже были изданы воспоминания друзей Назыма Хикмета и его жены Веры Туляковой.

В последнее десятилетие появились сразу три биографии Назыма Хикмета. Причину такого повышенного интереса к творчеству и личности литератора объяснил автор одной из биографий Энвер Айсевер, который в своем выступлении на канале Halktv говорит об актуальности творчества Назыма Хикмета и значимости его для современников. В современной Турции дискутируется вопрос: является ли Назым Хикмет предателем родины или ее патриотом. Книга Э.Айсевера может расцениваться как ответ автора, утверждающего

¹ Софронова Л.В. К вопросу о развитии жанра литературной биографии в современной турецкой прозе // Вопросы тюркской филологии. Выпуск XI: Материалы Дмитриевских чтений. М.: МБА, 2016. С.330-343.

неоспоримый вклад писателя в развитие турецкого языка по пути преодоления пропасти между литературным языком элиты и разговорным народным языком, а также в развитие литературы, демократии и патриотизма. В своем произведении, представляющем собой беллетризованную биографию, писатель акцентирует социальную позицию поэта, его вклад в поступательное движение левых сил, подчеркивая значимость творчества и личности поэта для развития национального общественного сознания.

Книга Хафзы Топуза, имевшего возможность лично познакомиться с Назымом Хикметом, когда автор биографии был начинающим журналистом, представляет собой литературную биографию поэта в классическом ее понимании, изложенную с соблюдением хронологии, включая последний советский этап в жизни поэта. Автор стремился увязать творчество с событиями из личной жизни Назыма Хикмета, рассказать об условиях создания того или иного известного стихотворения, поэмы, пьесы, воссоздать многогранный образ живого человека, выдающейся личности, показать ее в отношениях с семьей и друзьями. Как Э.Айсевер, Х.Топуз подчеркивает, что приверженность идеям социализма и коммунизма была главным движущим стимулом его поступков и стержнем характера поэта. Особое внимание Х.Топуз уделяет тюремному периоду, наглядно демонстрируя стойкость, оптимизм, самоотверженность Н.Хикмета, его умение объединять и вдохновлять людей вокруг, а также заботу о семье и стремление заработать средства к существованию для себя и жены даже в подобных стесненных условиях.

Для Халюка Орала характерен исследовательский подход в изучении биографических материалов, поэтому его книгу-биографию можно отнести к документализированной биографии. В книге приводится много фотографий как подлинных документов, писем, так и портретов персонажей повествования. Большое внимание уделяется семье, условиям становления личности поэта. Автор придерживается хронологии в изложении материала, но она не является структурообразующим элементом. В названии глав присутствуют и географические названия, и события, и названия произведений, и персоналии. Цель создания еще одной биографии Назыма Хикмета Халюк Орал объясняет в предисловии своим желанием ответить на вопросы, как сформировалась такая личность и как она прошла свой жизненный путь.

Подытоживая краткий обзор трех биографических произведений о Назыме Хикмете, следует отметить стремление авторов к достоверности, документальной обоснованности предлагаемых читателю версий событий, сдержанность и тактичность в комментариях и умозаключениях. В отличие от историко-биографических романов о жизни султанов Османской империи и беллетризованных биографий массовой литературы художественный вымысел в рассматриваемых произведениях занимает крайне незначительное место.

А.С. Сулейманова, С. Таш

**«Белое пальто» О. Атая и «Шинель» Н.В. Гоголя
в свете интертекстуальных связей.**

В России известна фраза, приписываемая Ф.М. Достоевскому, о влиянии повести Н.В. Гоголя «Шинель» на русскую литературу. Во второй половине XX в. турецкий писатель Огуз Атай высказал такое же мнение об этом великом произведении, но в отношении новейшей турецкой литературы. В настоящем докладе на примере характеров и манере поведения главных героев – Акакия Акакиевича и Человека в белом пальто – будут выявлены

интертекстуальные связи между двумя произведениями. Новелла О. Атая, написанная в кризисный для политической жизни Турции период, позволяет выявить собственно литературные причины укоренения в турецкой прозе гоголевского образа «маленького человека».

С. М. Терешенко

**Изменения в государственном устройстве Османской империи в XVI-XVIII вв.:
упадок после «золотого века»?**

S. Tereshchenko

**Changes in the state structure of the Ottoman Empire in the 16th-18th centuries:
decline following the “golden age”?**

Уже к концу XVI века можно говорить о начале изменений внутри государственных институтов. В XVII-XVIII вв. *Диван-и Хумаюн* заседает гораздо реже, его роль заметно снижается. Его функции постепенно переходят к ведомству великого везира, но одновременно с этим авторитет и влияние великого везира тоже несколько уменьшаются. *Шейх-уль-ислам* был одним из государственных должностных лиц, чей престиж рос по мере того, как снижалось влияние великого везира. Примечательно, что эти тенденции существовали давно: роль религии постепенно росла начиная еще с правления Баязида II, численность улемов и роль шейх-уль-ислама были увеличены при Сулеймане I.

В XVII веке практика проводить опись земель с определенной периодичностью была нарушена. Уже к концу XVI века в янычарском корпусе, помимо других проблем, было широко распространено взяточничество, которое вело к отсутствию дисциплины. Количество чиновников росло, при этом, они не всегда обладали нужными качествами и навыками. Количество *везиров* продолжало расти, *бейлербеев* и *кадиев* стали назначать на более короткий срок.

Аяны, представители провинциальной элиты, стали участвовать в диванах кадиев и получили возможность контролировать местную администрацию.

Усложнилась система канцелярий. В XVI веке бюджеты распределялись по географическому признаку и записывались в соответствии с ведомствами дефтердаров, но в XVII веке бюджет начали расписывать по канцеляриям. Это значительно усложнило систему учета трат и доходов, поскольку названия канцелярий часто не совпадало с их компетенцией.

Османская казна страдала от дефицита бюджета в конце XVI – XVII вв. Чтобы восполнить нехватку денег, правительство прибегло к снижению содержания серебра в *акче*, а позднее к ухудшению пробы серебра; но порча монет привела лишь к осложнению внутривластной обстановки. Помимо этого, в попытке покрыть расходы империи были увеличены и закреплены чрезвычайные налоги. Правительство стало практиковать сдачу на откуп государственных земель.

Большинство султанов, правивших во второй половине XVI – второй половине XVII вв., принимали сравнительно мало участия в делах государства, перекладывая свои функции на великих везиров, валиде-султан и др., следствием чего были частые интриги и усиление борьбы за власть в ближайшем окружении султана. На состоянии империи негативно сказывалась неопределенность в престолонаследии: шесть султанов, вступивших на престол в первой половине XVII века, были на момент восшествия либо детьми, либо умственно неполноценными и не могли править эффективно — по крайней мере, в начале своего

царствования. Старые традиции престолонаследия и роли шехзаде больше не соответствовали действительности, но потребовалось несколько поколений, чтобы возникли и утвердились новые практики наследования.

С конца XVI века постепенно менялся образ султана. Идеальным правителем Османской империи стал монарх, чья защита веры проявлялась больше в демонстрации благочестия, поддержке шариата и благотворительности, чем в личном участии в битвах и военной славе. Одним из результатов этого изменения было то, что женщины при дворе получили возможность влиять на политику империи.

Несмотря на то, что происходившие в конце XVI – XVIII вв. процессы (такие как децентрализация, бюрократизация, разложение тимарной системы, введение системы откупов) принято рассматривать в негативном ключе, этот период нельзя назвать временем полного непрекращающегося упадка и разрухи в Османской империи. XVII век действительно был периодом кризиса, но эта нестабильность не была отличительной особенностью османского государства, а была характерна для всего мира. При этом, даже в XVII веке государственные деятели и некоторые султаны активно занимались проблемами и реформами империи.

Так, новый кодекс о государственной организации и церемониале был составлен между 1676 и 1678 гг. Осман II (1618-1622) хотел отказаться от системы девширме и ограничить материальные привилегии улемов. В 1652-1653 гг. великий везир Мехмеда IV Тархунджу Ахмед-паша начал ревизию бухгалтерских книг Османской империи. В рамках реформ Селима III было сокращено количество внешних везиров, а срок их службы был увеличен до 4-5 лет. Было обновлено административное деление империи.

Если конец XVI-XVII вв. — это время финансовой нестабильности и кризиса, то XVIII век, по утверждению экономиста и историка Ш. Памука, фактически был периодом восстановления османской денежной системы. К началу XVIII века дефицит бюджета значительно сократился.

Можно утверждать, что некоторые тенденции развития государственной системы конца XVI – XVIII вв. были заметны уже при Сулеймане I. Начинается процесс бюрократизации и усложнения государственного аппарата. С возрастом Сулейман реже участвовал в военных походах, это время характеризуется акцентом на исламский характер правления Сулеймана, и впоследствии именно в этом направлении изменится образ османских султанов.

Помимо этого, еще при Сулеймане определенной властью начала пользоваться его жена Хюррем Султан и придворные группы. На великого везира Сулеймана Рустема-пашу возлагали вину за распространение взяточничества в империи.

Османская империя изменила свой характер с государства, которое носило военный характер и исполняло военную миссию, к бюрократическому государству с более стабильными границами, главной целью которого было уже не завоевание новых территорий, а извлечение доходов с подконтрольных земель. Это привело к расширению бюрократического аппарата власти и менее активной завоевательной политике.

Тот факт, что Османская империя существовала на протяжении более 350 лет после смерти Сулеймана I и окончания «золотого века» подтверждает, что не все шаги по укреплению внутреннего и внешнего положения государства в XVII веке были неверными. Хотя многие проблемы и кризисы не были решены, предпринятые государственные изменения сохранили империю от развала и обеспечили работу аппарата власти.

Многие процессы получили начало именно в правление Сулеймана I. В связи с этим можно поставить под сомнение правильность отношения к эпохе Кануни как к «золотому

веку», а ко всем последующим годам — как к периоду непрерывного упадка и разложения империи.

Д. М. Тимохин

**Раздел о кочевых тюркских племенах дешт-и кыпчака в сочинении
Сеид Ад-Дина Мухаммада ‘Ауфи «Джавам ул-хекайат ва лаваме ур-ревайат».**

Описание истории кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в домонгольский период в рамках мусульманских исторических и географических сочинений вряд ли можно считать мало изученной научной проблематикой. Уже начиная с классического труда В.В. Бартольда, «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [Бартольд 1963] исследователи уделяли этому вопросу существенное внимание. Тем не менее, отдельные сравнительно поздние сочинения начала XIII в. были заметно менее востребованы учеными при реконструкции истории и племенного состава восточного Дешт-и Кыпчака. Одним из таких примеров следует считать сочинение «Джавам ул-хекайат ва лаваме ур-ревайат», принадлежащее перу придворного историка правителей Делийского султаната – Сеид ад-Дина Мухаммада ‘Ауфи. Несмотря на то, что данный памятник сравнительно давно и хорошо известен исследователям издание полного текста «Джавам ул-хекайат» до сих пор не было осуществлено, в связи с чем отдельные разделы этого труда не привлекали пристального внимания ученых. К числу таковых следует отнести и главу «О тюрках», анализу которой, собственно, и будет посвящен этот доклад.

Впервые на этот раздел в составе «Джавам ул-хекайат» обратил внимание упомянутый нами В.В. Бартольд: «Около 625/1228 г. в Индии была написана антология Мухаммеда Ауфи «Сборник анекдотов и блестящих рассказов». Автор в молодости много путешествовал, был в Бухаре и в Хорезме. Их приведенных в его книге анекдотов для нас имеет наибольшее значение довольно многочисленные рассказы о Караханидах, особенно о Тамгач-хане Ибрахиме б. Насре. Кроме анекдотов, книга заключает в себе историческую и географическую главы; в последней особенно интересны сведения о восточноазиатских и тюркских племенах; между прочим, автор первый их мусульманских писателей говорит об уйгурах» [Бартольд 1963: 83]. Выдающийся российский ученый в составе первой части «Туркестана в эпоху монгольского нашествия», который представлял собой хрестоматию арабских и персидских текстов, опубликовал, на основании нескольких известных ему рукописей, отрывки из «Джавам ул-хекайат», в том числе и главу «О тюрках» [Бартольд 1898: 98-99]. Частичный перевод ее привел в своей работе другой выдающийся ученый, Йозеф Маркварт, которого, вероятно, более всего интересовала та ее часть, которая касалась племен гуззов и кыргызов [Bang, Marquart: 40-42]. Впрочем, определенные вопросы к данному тексту и его содержанию остались и после проделанной этим ученым работы. К сожалению, последующие исследователи мало интересовались данной частью сочинения Мухаммада ‘Ауфи. В связи с этим мы хотели вновь привлечь внимание специалистов к данному памятнику и сведениям о кочевых тюркских племенах восточного Дешт-и Кыпчака, которые он содержит.

Литература:

Бартольд 1898 – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб., 1898. 212 с.

Бартольд 1963 – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963. С. 45–597.
Bang, Marquart – Bang W., Marquart J. Osttürkische Dialektstudien. Berlin, 1914. 300 s.

А.С. Цветкова

**Как обретение независимости сказалось на интерпретации
событий прошлого узбекского и таджикского народов**

A.S. Tsvetkova

**How independence affected the interpretation of the events of the past
of the Uzbek and Tajik peoples**

После обретения независимости в 1991 году, в условиях необходимости формирования новой государственной идеологии с опорой на историю, общее прошлое наиболее близкородственных народов Центральной Азии – таджиков и узбеков – игнорируется, а одни и те же события интерпретируются совершенно по-разному и с националистической точки зрения, а неразрывная ирано-тюркская, то есть, таджикско–узбекская связь, едва ли дает о себе знать.

Проведенная в Центральной Азии делимитация границ стала национальной травмой, нанесенной таджикскому народу, ведь в результате нее таджики были лишены своей исконной территории, потеряв контроль над городами, занимающими центральное место в таджикской культуре и истории, среди которых была и Бухара, и Самарканд, отданные Узбекистану. Однако, таджикские историографы что советской, что современной эпохи оправдывают советские власти, изображая Москву всего лишь жертвой пантюркистской пропаганды.

Современная узбекская идеология, в свою очередь, старается вообще не признавать присутствие таджиков как независимой группы в Узбекистане, а президент Рахмонов и его идеологи представляются многим узбекским историкам расистами, вооруженными идеологией расового превосходства и намеревающимися захватить чужие земли.

Таким образом, на современном этапе миф об арийской цивилизации становится ключевым элементом исторической идеологии таджикского режима и ключевым фактором в его конфронтации с соседним Узбекистаном, поскольку обе стороны претендуют на право наследования великим предкам, населявшим в далеком прошлом территорию Центральной Азии.

Было также приложено немало усилий, чтобы доказать, что таджикская нация имела очень древние корни. Нынешняя официальная история Таджикистана связывает этногенез таджиков с государством Саманидов, существовавшим в IX и X веках. Немалую роль в выборе династии сыграло ее иранское происхождение, а факт переноса так называемым «отцом» таджикской нации, Исмаилом Самани, столицы государства в Бухару позволил еще раз подчеркнуть ошибку, сделанную в ходе национально-территориального размежевания.

Таджикский культ Исмаила Самани в целом отражает культ Эмира Тимура в Узбекистане, причем роль последнего почти полностью игнорируется в современной таджикской историографии, или его имя упоминается в достаточно своеобразных условиях, в то время как государство Саманидов представляется "высшей точкой исламской цивилизации", а его разрушение "тюрко-монголами" – уничтожением самой развитой культуры того времени.

Таким образом, мы сталкиваемся с тем, что дружба между двумя близкородственными народами Центральной Азии, так активно пропагандированная во времена СССР, на этапе обретения их государствами независимости хоть и не перерастает в открытую вражду, но представляет собой таковую на уровне историографии, где и Таджикистан, и Узбекистан претендуют на свою исключительность.